

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

А. Ф. ТРОЦЕВИЧ

КОРЕЙСКАЯ
СРЕДНЕВЕКОВАЯ
ПОВЕСТЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1975

8 И
Т 76

Ответственный редактор

Л. Р. Концевич

В книге поставлены проблемы, важные для изучения средневековой прозы. Определяются идентичность текстов разных изданий, структура произведений и источники сюжетов, типы героев и идеал человека, особенности языка. Автор характеризует повесть как явление, в котором реализованы культурные представления средневековой Кореи.

Т 70202-199 189-75
013(01)-75

Аделаида Федоровна Троцевич
КОРЕЙСКАЯ СРЕДНЕВЕКОВАЯ ПОВЕСТЬ

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *Л. М. Кроткова*. Художник *А. Г. Кобрин*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *Л. Ш. Береславская*. Корректор *Г. В. Струлова*

Сдано в набор 19/XII-1974 г. Подписано к печати 5/XI-1975 г.
А-10179. Формат 60х90 1/16. Бум. № 1. Печ. л. 16,5
Уч.-изд. л. 16,28. Тираж 1300 экз. Изд. № 3446
Зак. № 423. Цена 1 руб. 63 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства "Наука"
Москва, Центр, Армянский пер., 2

Офсетное производство 3-й типографии издательства "Наука"
Москва, Центр, Армянский пер., 2

© Главная редакция восточной литературы
издательства "Наука", 1975 .

От автора

В Корею повесть как самостоятельный жанр не выделяют из состава повествовательной литературы. Всю прозу от короткой новеллы до многотомного романа объединяет термин "сосоль"¹ (кит. "сяошо"). Не дифференцирована корейская проза и в трудах западных исследователей.

В.Е. Скилленд, например, говорит о "novel", объединяя этим названием всю художественную прозу – от литературы "пхэсоль" /65/ до романов Ли Инджика (автора начала XX в.) /137/.

В отечественном корееведении понятие "повесть" было впервые употреблено применительно к группе произведений корейской средневековой прозы в сборнике переводов "Корейские средневековые повести" (М., 1954). Причиной для такого выбора послужило только то, что корейские произведения сюжетны и по размерам явно не могут быть определены ни как романы, ни как новеллы. С тех пор произведения этого типа мы неизменно называем "повестями", хотя и бесспорна условность такого названия.

В процессе исследования корейской прозы стало очевидным, что литература, объединенная термином "сосоль", требует классификации. Еще традиционная филология выделила "литературу пхэсоль", а в работах современных авторов появляются термины "чанпхён сосоль" ("длинные сосоль") и "танпхён сосоль" ("короткие сосоль"), т. е. произведения разделяются по признаку их размеров. Кроме того, в ряде исследований современных литературоведов есть попытки выделить группы произведе-

¹ В современном литературоведении различаются "кодэ сосоль" (старая, классическая, проза) и "син сосоль" (новая проза). Термин "кодэ сосоль" объединяет всю корейскую средневековую прозу, "син сосоль" – произведения, которые появились в начале XX в. и были переходными от средневековой к современной прозе. Кроме того, иногда к "кодэ сосоль" относят только повесть на корейском языке. (См. Л.Р. Концевич, "Сосоль", – Краткая литературная энциклопедия, т. 7, стр. 82–83).

ний, объединив их по содержанию. Например, Юн Сепхён /129/ говорит о "любовной", "военной", "фантастической", "аллегорической" и "семейно-бытовой" прозе. Ким Тхэджун /123/ и Пак Соный /125/ выделяют "фантастическую" (например, произведения Ким Сисыпа, автора XV в.), "военную" (произведения, рассказывающие о событиях и героях периода борьбы против японских и маньчжурских нашествий) и "социальную" прозу (повесть Хо Гюна "Хон Гильдон", ХУП в.), а также беллетризованный прозаический фольклор (например, "Хынбу", "Заяц", "Сим Чхон").

Такого типа классификации проводились на фоне общего разделения всей средневековой корейской литературы по языковому принципу – на произведения, созданные на ханмуне – корейском языке, и произведения, созданные на китайском языке вэньянь, и произведения, написанные на корейском языке в корейской графике. Деление по такому принципу осуществлено, например, в работах Чхве Хёнбэ /128/ и Ли Гавона /124/.

Как нам кажется, дальнейшее изучение корейской литературы требует прежде всего выяснения, можно ли в корейской средневековой прозе выделить группы произведений, обладающих общими чертами определенных жанров. В самом деле, корейская проза весьма разнородна по составу, по объему произведений и по тем традиционным знакам, которые входят в каждое название. Обычно – это "ки/ги" ("записи"), "нок/рок" ("записки"), "чи/джи" ("описание"), "чон/джон" ("биография", "жизнеописание", "повествование"). Однако до сих пор не ставился вопрос о том, какие особенности произведения диктуют выбор того или иного из этих знаков и означают ли эти пометки названия жанров или нечто другое.

В нашей работе мы остановились на изучении "повестей" – группы произведений, помеченных знаком "чон", но только в записи корейским алфавитом². Для выяснения вопроса о том, представляют ли они один жанр, прежде всего нужно показать, что же общего имеют между собой эти произведения. Общность рассматривается здесь в пяти аспектах, причем каждому из

² Надо сказать, что, несмотря на разделение литературы по языковому принципу (на ханмуне – для "образованных", на корейском – для "необразованных") /129, 90/, нет строгой границы между этими двумя типами произведений. Многие из художественной прозы переводилось с китайского на корейский язык и наоборот. Некоторые повести, например "Полководец Лим", были созданы сначала на ханмуне, а потом уже переведены на корейский язык и получили широкую известность именно в корейском варианте. А известный роман Ким Манджуна (1637–1692) "Облачный сон девяти", написанный по-корейски, в ХУШ в. был переложен на ханмун.

них посвящена отдельная глава: 1) тексты, 2) структура, 3) источники сюжетов, 4) герои, 5) язык.

В нашем распоряжении были три большие монографии, посвященные корейской средневековой прозе. Две из них принадлежат корейским авторам – Ким Тхэджун ("История корейской повествовательной литературы") /123/ и Пак Соный ("История старой корейской повествовательной литературы") /125/, одна английскому – В.Е. Скилленд ("Обзор старой корейской повествовательной литературы, написанной традиционным стилем") /137/.

Книги корейских авторов излагают историю прозы от наиболее ранних памятников (X–XI вв.) и кончат сочинениями XIX в. Ким Тхэджун, кроме того, специальную главу посвящает прозе начала XX в. В этих работах дана периодизация. Ким Тхэджун предлагает традиционную периодизацию по династиям и правлениям государей. Пак Соный предпринял попытку периодизации по модели естественного природного цикла – "прорастание", "рост", "развитие", "цветение", "созревание плодов" и "увядание". Труды корейских авторов интересны прежде всего фактическими сведениями: дано большое число названий произведений, указано время их появления, упомянуты авторы – известные и предполагаемые, излагается содержание многих произведений. Весьма ценным для нас оказался собранный ими материал об источниках сюжетов корейских повестей.

Работа В.Е. Скилленда является справочным библиографическим трудом по различным изданиям памятников корейской художественной прозы. Автор наряду с общими сведениями о рукописях, центрах ксилографических и типографских изданий подробно описывает каждый памятник, сообщает о местах хранения рукописей и ксилографов.

Таким образом, исследования, которыми мы располагаем, дали материал для разрешения некоторых вопросов, прежде всего связанных с текстами и сюжетами корейской повести. Что касается проблем, поставленных в остальных главах, то они, можно сказать, фактически не освещались в литературе.

Первая проблема связана с базой исследования.

В трудах корейских литературоведов обычно речь идет о произведениях, которые мы будем условно называть здесь повестями, как о явлении корейской литературы ХУП–ХУШ вв. Однако В.Е. Скилленд /137/ и Чхве Хёнбэ /128/ сообщают, что среди множества сохранившихся текстов не известен ни один, который относился бы к ХУП или ХУШ вв.

В связи с этим нам представляется уместным поставить проблему текста повести. В работе проведено текстологическое исследование с целью проверки идентичности разных изданий повестей с одним и тем же названием. Результаты сверки ока-

валось возможным объяснить с точки зрения своеобразия средневековых представлений о тексте и авторстве.

Изучая особенности повести на уровне структуры текста, мы рассмотрели моменты, определяющие возникновение конфликтов, их снятие и развитие действия, а попутно также попытались выявить связь "чон" – "повести" с "чон" – "традиционной биографией" и установить затем закономерность применения этого знака для произведений поздней сюжетной прозы. Характер общей структуры повести интерпретируется в плане особенностей представлений корейской средневековой культуры.

Для выявления общего в исследуемых произведениях оказалось целесообразным сравнить повести, в которых использованы готовые сюжеты и фольклорные мотивы, с произведениями других жанров, откуда они заимствовали материал. Для этого за основу была взята и по возможности продолжена работа Ким Тхэджунга, который исследовал литературные и фольклорные источники отдельных сюжетов повестей. Сравнение этих источников с соответствующими произведениями позволило сделать вывод, что повести однотипно перерабатывали заимствованные сюжеты и мотивы.

Рассматривая особенности изображения персонажей в повестях, мы обнаружили повторяемость типов героев и общие представления об идеале человека.

Наконец, при исследовании корейского языка повести было предпринято составление словарей, в анализе которых использовался статистический метод. В результате выявилась определенная общность лексики повестей, которую можно интерпретировать опять-таки исходя из представлений корейской средневековой культуры.

Наличие общего в рассматриваемых произведениях и особенности этого общего делают возможным не только положительно ответить на вопрос, можно ли повести считать самостоятельным жанром. Они позволяют также описать повесть как явление, в котором реализованы культурные представления средневековой Кореи. Этому вопросу в работе посвящена особая глава – "Мир повести".

Названный круг вопросов, конечно, не исчерпывает всех важных проблем, связанных с корейской средневековой повестью. Многие из них остаются невыясненными, часто по не зависящим от автора причинам. Таков, например, вопрос о корейском читателе повестей. В работе не уделено достаточно внимания датировке произведений, так как самые ранние тексты, которыми мы располагаем, относятся к середине XIX в. По этой же причине мы сочли нецелесообразным специально ставить вопрос об авторстве повестей и т. п.

В работе использовано 53 текста, в основном это материалы рукописного фонда ЛО ИВАН СССР, факсимиле текстов из

сеульских хранилищ рукописей и ксилографов, а также повести в типографских изданиях разного времени.

Пользуюсь случаем принести благодарность Д.Д. Елисееву, который предоставил мне свои неопубликованные переводы, Ю.Л. Кролю, Л.Н. Меньшикову, Г.Е. Рачкову и А.А. Холодовичу за консультации и добрые советы.

SUMMARY

The book examines one of the principal genres of Korean medieval prose – popular stories (novels). The aim of the work is not only to give a scholarly characteristic of the genre, but also to show these stories as a cultural phenomenon, reflecting the cultural notions of medieval Korea.

In this connection several problems have been advanced, and each is examined in a separate chapter.

The first is connected with the basis of investigation. The work attempts at doing a textological research with a view to checking the identity of various editions of a story under the same title. We possess manuscripts and block prints (xylographic copies) of stories that are kept in the manuscript collection of the Leningrad Department of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences, facsimile reproductions of manuscripts and block prints from Seoul libraries, printings in movable type published in the early 20th century, as well as recent publications of the Korean People's Democratic Republic. The comparison of the texts has revealed that in some respects these stories can be regarded as works created collectively: a story under a definite title exists in several versions distinguished in both the content and the language. The attitude to the texts of stories as a collective work was typical of both the Korean society of the 19th century and the modern one.

The second problem is connected with the study of the peculiar features of the story's structure. Here an attempt has been made to reveal the connection «chön» of a story with «chön» – a traditional biography and then establish the law of applying this sign to works of later prose with a plot. Then a study was made of the causes of conflicts and collisions, how they were resolved and the action developed. Usually, the action in a story takes place within the framework of a change of two opposite states of mind of the hero – the initial low and the final high. The beginning of events is as a rule motivated by a violated harmony between the lofty moral qualities of the hero and his outward inferiority – low social position, poverty or ugliness. Correspondence between the outer and the inner is ultimately established either by the hero's exploits or a series of trials he has to go through. All events in a story related to the hero's life can be interpreted as a circle: first – god, then – hero and his early sufferings, and after that – again god. A study of the connections between the events in a story gives grounds to assume that in the works of this genre one event, as a rule, does not engender another as the cause engenders consequence; there is no uninterrupted chain of events in a story, and the plot is composed from fragments – individual subjects.

Then literary and folklore sources (Korean and foreign) are examined of certain subjects as well as trends in which these subjects were refashioned in stories. In this connection we used and continued, as far as we could, the work of Kim T'aejun, who had studied the literary and folklore sources of some subjects of stories and compared these sources with corresponding works. The cases of borrowed subjects allow us to assume that Far-Eastern literature, evidently, had a set of «migratory subjects» of their own, which had been elaborated in various genres in the course of the entire medieval history of the literatures of China, Korea and Japan. Korean story refashioned ready subjects in conformity with the laws of the genre, which made it possible to define works based on well-known subjects as independent creations. We feel it not accidental that many folklore themes found in stories have a parallel in legends recorded in historical works. In the historiography of the Far East stories about magic birth and magic protection of animals were interpreted as signs pointing to the man who had been foreordained a great destiny. The same principle of selecting material, according to the sign value, was used in story: it is not accidental that these works were marked by the sign «chön» – «biography».

Examining the peculiar features of the story's characters we found three types of heroes: one deprived of his share, who is near to characters of folk tales of many peoples of the world (for example, an orphan, a stepdaughter, a younger brother); a heroic type typical of stories about warriors; a freedom-loving hero who does not accept the conventional relations between people in society (his image has most likely been prompted by the Tao tradition). Further, all the types singled out can be clearly divided into two groups: «mobile» and «emotional» heroes. Each consecutive act of sabotage causes a shift of the first. As for the «emotional» group, they answer with an emotional monologue. From the point of view of functions the characters of a Korean story are divided into two classes opposing each other: the «class of the hero» and the «class of the evil forces». The actions of the representatives of the first class correspond to the generally recognised norms of ethics – humaneness, justice and respect for the elderly – harmony «Yin» and «Yang», while the behaviour of those belonging to the «class of the evil forces» runs counter to the established rules of relations between people and violates harmony «Yin» and «Yang», laying more emphasis on «Yin».

The fourth chapter is devoted to the study of the language – the vocabulary of stories, set expressions and the common features of the vocabulary. Inasmuch as it was impossible to study the entire language material of stories, we confined to taking just one aspect: comparison between the vocabularies of thematically homogeneous excerpts: narrative – «magic birth» and descriptive – «description of woman's beauty». An analysis of the language has revealed that the authors of an overwhelming majority of stories did not tackle the subject each in «his own way» but did it «each as the others». The «individual» can be seen mainly in what the author selected from the already given words and expressions. The peculiar features of the use of symbols in the language of stories show that Chinese literature evidently played the role of some myth to which Korean medieval literature wanted to follow. Obviously, what was said in Chinese in a medieval story could be regarded as something especially important, as a valuable text.

Finally, the concluding, fifth chapter describes story as a cultural phenomenon of medieval Korea. Here an attempt was made to trace the connection between story and Korean culture in the scale of values—the ideas of space and time, in short, within the framework of the picture of the world. We tried to show what was regarded in a story as man's value, which behaviour was considered exemplary and rewarded, how tragic conflicts were resolved and what a story ridiculed. To disclose the originality of Korean ideas about the world we made a comparison between Korean stories and works of West European literature: Shakespeare's "Romeo and Juliet" (the way of resolving tragic situation and the problem of "forbidden love") and Schiller's "Die Ræuber" (tragedy of the hero's aloofness from the surrounding world).

Explanation of many peculiar features of stories takes one into the sphere of general cultural ideas of medieval Korea. Among them is the thought about harmony inherent in the world. These ideas form the basis of stories: the development of action begins with the violation of harmony (discrepancy between man's personal qualities and his position in the world); the action concludes with the restoration of harmony according to the law of retribution—the hero eventually takes the worthy place in accordance with his qualities.

The question about the social status of the hero is also decided in a story in conformity with the ideas about harmony in the world. Inasmuch as social vices were explained not by the viciousness of the structure of society, but by the discrepancy between people and the positions they occupied, a story, while discussing the merits of a socially depraved man and his place in society, offered a solution not by breaking the old state institutions but by establishing conformity between the lofty nature of the hero and his social status. (If a story poses the question about the depravity of social institutions, they were denounced only from the position of negating life in society altogether).

Therefore a description of the hero's personal qualities and his nature, thanks to which he eventually finds himself on top of social ladder, is very important here. However, a story describes his virtues not as the individual's unique qualities but as characteristics common to an entire conventional type of people singled out by literature of the past. The behaviour of people of this type corresponds to cosmic and social harmony. Similarly, "villains" are depicted not as "personal" enemies of the hero but as types of bad people, violators of harmony. Therefore, in contrast to folk tales of many peoples of the world, whose heroes are close to the personages of a Korean medieval story, an important aspect in the latter is not personal opposition: hero—evil-doer (as in a folk tale), but a cosmic aspect: harmony—disharmony.

Inasmuch as the character of the hero is given but is not shown in its formation, each episode of the work showing the hero's exemplary nature is not connected with causal relations: it is a sign of the whole, that is, the hero's nature, and is connected with it as its illustration. From this follows a fragmentary character of stories.

The language of writings, which tends to describe people of one and the same type by the same expressions and symbols, also discloses the connection of the images of the heroes with definite types and emphasises common features in their characteristics. The sign orientation of culture is also seen in such a feature of the language of stories as symbols, which comprise the main source of the figurativeness and picturesqueness of the language.

These symbols have been evolved by literary tradition and are based on the principle of mythological association.

The time concept of a story is based on the idea of the repetition of types of people and events and the constant turning to the "epoch of models". The sign "chón" marking both early biographies of historical personages (12th century) and later samples of prose with a plot—stories (19th century), is evidently connected with this concept of time: a new literary phenomenon should be inevitably compared to the one already known and traditional. A story is related to the traditional "chón" not only in a genre medium but in the general scheme of the composition of the material.

Thus, many features of a story make it possible to regard it as an individual manifestation of a system of cultural ideas of medieval Korea—a "micro-system" of its kind.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Место повести в корейской литературе ХУП–ХІХ вв.	8
Опыт сверки текстов	18
Морфология	64
От биографии к повести	64
Развитие действия	75
Оппозиции	77
Снятие оппозиции	79
Принципы связей	86
"Общие места"	90
Сюжеты и фольклорные мотивы	96
Источники сюжетов	96
Сюжеты корейского происхождения	96
Иноземные сюжеты	100
Фольклорные мотивы	111
Герои	121
Обездоленный герой	121
Героический тип	131
"Свободный" герой	133
"Мобильный" и "эмоциональный" герой	135
Функции персонажей	142
Опыт анализа некоторых особенностей корейского языка	148
Словари	148
Рассказ о чудесном рождении	148
Описание женской красоты	168
Символы	180
Мир повести	196
Ценность человека	196
Представления о пространстве	204
Представления о времени	210
Идеал поведения	215
Запретная любовь	220
Трагическое	228
Комическое	233
Вместо заключения	244
Библиография	246
Указатель текстов повестей, использованных в работе	251
Указатель имен авторов и названий произведений	253
Summary	260